

Научная статья

УДК 111:81

doi: 10.17223/1998863X/74/4

О ТЕХНОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ И ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКИХ ПРИЧИНАХ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ГРЕЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА

Евгений Артурович Найман

*Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия;
Томский научный центр СО РАН, Томск, Россия, enyman17@rambler.ru*

Аннотация. Статья посвящена основным причинам формирования предметной области философской теории языка в Древней Греции, а именно процессу объективации «языка» как абстрактной сущности. Анализируется пять причин, которые привели к осознанию данного идеализированного объекта: развитие социально-политических институтов греческого общества и повышение в нем роли устного слова; появление эпистемологии как отрасли философского знания; возникновение эффективной системы алфавитного письма в результате перехода греческого общества от устной культуры к письменной; резкое размежевание с поэтическим нарративом как главным средством передачи традиции в греческой устной культуре; формирование единой нормы греческого языка в эллинистический период истории. Наибольшее внимание в данном контексте уделено философии языка Платона и стоиков, а также идеям Э. Хэвлока и Д. Каца, связанным с влиянием платонизма на утверждение автономии языка.

Ключевые слова: язык, эпистемология, письмо, платонизм

Для цитирования: Найман Е.А. О технолингвистических и эпистемологических причинах возникновения греческой философии языка // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 74. С. 35–47. doi: 10.17223/1998863X/74/4

Original article

ON THE TECHNOLINGUISTIC AND EPISTEMOLOGICAL REASONS FOR THE EMERGENCE OF THE GREEK PHILOSOPHY OF LANGUAGE

Evgeny A. Nayman

*National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation;
Tomsk Scientific Center SB RAS, Tomsk, Russian Federation, enyman17@rambler.ru*

Abstract. The article devoted to the main reasons for the formation of the subject area of the philosophical theory of language in Ancient Greece, namely the process of objectification of “language” as an abstract entity. Five reasons that led to the realisation of this idealised object are analysed: the development of socio-political institutions of Greek society and the increasing role of the oral word in it; the emergence of epistemology as a branch of philosophical knowledge; the emergence of an effective system of alphabetic writing as a result of the transition of Greek society from oral to written culture; the abrupt separation from poetic narrative as the main means of transmitting tradition in Greek oral culture, as well as the formation of a unified norm of the Greek language in Hellenic society. The greatest attention in this context is paid to the philosophy of language of Plato and the Stoics,

as well as to the ideas of E. Havelock and D. Katz related to the influence of Platonism on the assertion of the autonomy of language.

Keywords: Language, epistemology, writing, Platonism

For citation: Nayman, E.A. (2023) On the technolinguistic and epistemological reasons for the emergence of the greek philosophy of language. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 74. pp. 35–47. (In Russian). doi: 10.17223/1998863X/74/4

Философская теория языка, ставшая частью интеллектуального наследия современной науки, впервые сформировалась в греко-римской античности. Правда, некоторые исследователи сомневаются в разработке греческими мыслителями полноценной философии языка, полагая, что «в целом их интересовали внешняя реальность и способы ее постижения человеческой мыслью. Язык отражал иные регионы, будучи скорее инструментом, нежели самостоятельным объектом исследования» [1. Р. 485]. Тем не менее именно греки определили предметную область лингвофилософии, связанную с «языком» как абстрактном объектом, конкретизировав свои теоретические интересы. Во-первых, этот интерес касался целостности языка как отдельной формы универсума, связанной с мышлением и реальным миром. Во-вторых, язык рассматривался как пропозиция, соотношенная с действительностью. И, в-третьих, он понимался как слово (имя), соответствующее обозначаемому предмету или классу объектов. Помимо этого, ставились и телеологические вопросы, касающиеся функции и назначения слов, а на глоттогоническом уровне поднималась проблема происхождения имен, слов и языка в целом.

Однако выделение этих аспектов – сугубо аналитическое, поскольку в самом греческом дискурсе они в значительной степени смешаны и переплетены. Можно лишь с уверенностью утверждать, что наблюдались, с одной стороны, повышение уровня систематичности и методологической осведомленности при анализе трех переменных – имени / языка, предложения / содержания мысли и вещи, а с другой – переход от слепого доверия слову к возрастающему скептицизму относительно познавательных характеристик языка. Далее, Аристотель, создавая первую энциклопедию наук о языке западного мира, рассматривал язык как явление, относящееся к биологии, психологии, логике, поэтике и риторике, изучая его с различных точек зрения: акустической, физиологической, логической, семантической, стилистической и прагматической. Главным характерным признаком античной лингвофилософии является рассмотрение своего объекта в связи с другими видами человеческой деятельности и сущностью человека вообще. В этом смысле язык выглядит онтологически нейтральным, поскольку свою ценность черпает из эпистемологических, моральных и социально-политических проблем. При этом философия, оставляя в стороне наличие многообразия языков, свое основное внимание направляет на единый язык, обладающий универсальными свойствами.

Однако следует подчеркнуть, что философский вопрос о языке обретает свою самостоятельность в истории греческой мысли достаточно поздно. По каким причинам греки отделили представление о едином языке от исторических языков? Каким образом осуществился переход от его интуитивного восприятия к абстрактно-теоретическому исследованию?

Думается, что большинство древних народов прекрасно осознавало языковую перформативность, создавало мифы о происхождении человеческой речи, но это не способствовало развитию у них лингвистической рефлексии. Контакты с носителями иностранных языков и грамотность также нельзя отнести к факторам, неизбежно приводящим к ее появлению. Изобретение письменности не являлось непосредственной причиной более детального изучения фонетики, фонологии или синтаксиса. Наоборот, грамотные народы склонны приписывать происхождение письма мифическим богам, подчеркивая незначительную роль человеческого разума. Нельзя утверждать также, что наличие терминологии, необходимой для рассуждения о языке, является неперенным симптомом зарождающейся языковой рефлексии. Скорее всего, практически все речевые сообщества обладали базовыми терминами, пригодными для повседневного метаязыкового дискурса. Дело в том, что требовался существенный скачок – переход от инстинктивного использования языка к его систематическому осмыслению. Язык – настолько неотъемлемая часть человека, что акт дистанцирования от него зачастую переживается весьма болезненно. Так что же заставляет людей «отчуждать» язык ради его изучения, и почему именно греческая философия успешно справилась с решением этой задачи?

В данной статье мы попытаемся проследить интеллектуальную историю формирования идеи «языка» как целостного автономного образования в древнегреческой философии. Мы выделяем пять основных причин возникновения такого идеализированного объекта. Во-первых, развитие социально-политических институтов греческого общества и повышение в нем роли устного слова. Во-вторых, появление эпистемологии как отрасли философского знания. В-третьих, возникновение эффективной системы алфавитного письма в результате перехода греческого общества от устной культуры к письменной. В-четвертых, резкое размежевание с поэтическим нарративом как главным средством сохранения и передачи традиции в греческой устной культуре. И, наконец, в-пятых, формирование единой нормы греческого языка в эпоху эллинизма.

Нужно отметить, что в архаический период интерес к языку у греков практически отсутствовал. Лингвистические темы выдвигаются на первый план только в процессе возрастания роли политических и образовательных институтов городов-государств. Значимость устного слова в общественной жизни постоянно возрастала, что было непосредственно связано с риторическим искусством и образовательным движением, инициированным софистами. Не секрет, что афиняне эпохи Перикла имели образование, приблизительно соответствующее современной начальной школе. К V в. н.э. оно уже не удовлетворяло требованиям социальной и политической системы, в которой каждый взрослый гражданин мужского пола должен был принимать участие в общественной жизни. Возникает потребность в более широком образовании, способном подготовить человека к участию в государственных делах, которую на тот момент полностью удовлетворяли софисты. Позднее это подтвердит Цицерон, напоминая о том, что искусство риторики было основано Кораксом и Тисием в период становления демократии в Сиракузах в 467 г. до н.э. для обучения граждан, лишенных тиранами своего имущества, способам обращения в суды ради его возвращения. Таким образом, греческое общество начало осознавать язык как важнейшее средство демократических институ-

тов. Вполне вероятно, что именно софисты (Протагор, Продик), будучи учителями риторики и теоретиками эффективного дискурса как инструмента социальной педагогики, были одними из первых представителей философии языка.

В этот же период греки начинают осознавать разделение двух функций языка, связанных с обеспечением согласия и выявлением истины. Это обособление сразу же стало предметом жаркого спора, на фоне которого и следует, к примеру, рассматривать аргументы о «правильности» имен в «Кратиле». Общеизвестно негативное отношение Платона к демократии, основанной на словесных убеждениях, а софисты как раз и ратовали за важнейшую роль консенсуса в полисном мире. Платон же никогда не забывал осуждение и смерть Сократа, и для автора диалога позиция Гермогена, передающего сообществу все полномочия в решении вопросов именования, явно играла на руку софистам. Для Платона было очевидным, что неспособность слов предоставлять точную информацию о реальности превращает стремление к истине в недостижимую цель. Язык должен раскрывать сущность вещей, а истина – цениться выше консенсуса. Имена в ответе перед реальностью, а не сообществом. И в этом случае языковая рефлексия в союзе с логикой способна выступить против претензий риторики на звание наивысшего искусства.

Появление философии языка обусловлено осознанием серьезных эпистемологических проблем. Зависимость теории познания от языка проявляется при обсуждении любых аргументов, касающихся природы знания и претензий познавательной деятельности. Уже в диалогах Платона вербальная коммуникация выглядит процессом обмена мыслями между людьми, а для успешного общения необходимо знание ими значений используемых слов. Единый язык служит коммуникативным мостом, где слова имеют установленные значения. Согласно этой модели, язык понимается как автономный вербальный код, выступающий необходимым условием коммуникации. Эпистемологические последствия достаточно очевидны: мы можем узнать мысли другого человека на основании понимания значений используемых им слов, что, в свою очередь, предполагает знание его языка.

Однако возникает непростой вопрос: каким образом достаточно большое и разрозненное сообщество, постоянно изменяющееся от поколения к поколению, способно иметь стабильный и единый язык, обеспечивающий надежную основу для идентификации и передачи идейного содержания? Другими словами, какова степень уверенности в том, что собеседники в любой момент времени имеют представление об одних и тех же объектах, ибо их взаимопонимание возможно только при наличии подобной гарантии? Уже сама проблема пробуждает эпистемологический скепсис: знание и постоянные изменения несовместимы. Если язык подвержен непрерывным изменениям, то он оказывается ненадежным средством передачи информации.

Платон осознает эту проблему в «Кратиле» в виде основного вопроса диалога: на каком основании людям, местам, вещам присваиваются имена? Если допустить возможность ошибочных именовании, то слова становятся непригодными для выражения и передачи знаний. Неправильное имя имеет такую же ценность, как и фальшивая монета. Греческий философ уже предполагает наличие языковой системы, устанавливающей отношения между

словами и реальным миром. Вступая в дискуссию, Сократ сразу же отвергает утверждение Гермогена о возможности каждого человека присваивать имена по своему усмотрению, ибо введение субъективных языковых правил приведет к разрушению языка. В этом случае истина и ложь неразличимы, поскольку одни и те же слова будут истинными в устах одного говорящего, и ложными в устах другого. Таким образом, вопрос об истине становится аргументом в пользу существования единого общего языка с формами и значениями, известными всем членам сообщества.

Оригинальность эпистемологического решения Платона состоит в том, что слова получают свои значения не от внешнего мира, в котором расположены собеседники, а от неизменных и вечных Форм, лежащих в его основе. Каждое слово имеет идеальную форму, определяющую постоянство его значения. Реконструкцией формы слова и призвана заниматься этимология (по-гречески «этимос» – истина, а «логия» – учение). Поэтому диалог «Кратил» – о природе истины, заложенной в словах. Сократ постоянно практикует этимологию, пребывая в поиске «истинных» форм. Метафизическая гипотеза, утверждающая наличие эйдосов, одним выстрелом убивает двух зайцев. Она решает не только проблему доступности знания в постоянно изменяющейся повседневной жизни, но и проблему необходимой стабильности повседневного дискурса в процессе обмена информацией.

Главная же новизна «Кратила» состоит в изложении инструментальной теории Сократа как альтернативы двум крайностям – натурализму (слиянию реальности и языка) и скепсису (непознаваемости реальности). Сократ не принимает позицию, при которой язык зеркально отражает мир, поскольку это лишает человека возможности использовать его по своему усмотрению, но и не разделяет идею произвольности языка, провоцирующую скепсис относительно вероятности истинного познания. Язык (имена) является правильным не по причине подобия реальным вещам, а поскольку служит инструментом их классификации. При помощи знаменитой аналогии между языком и ткацким станком Сократ высказывает сразу несколько идей о языке: (а) что он – целесообразен; (б) цель отражена в его конструкции; (в) появился в результате изобретения; (г) каждая его часть имеет свою функцию; (д) чтобы правильно им пользоваться, необходимо изучить его внутреннюю структуру. Другими словами, утверждается рациональность и целесообразность языка. И в этом случае прослеживается связь идеи языка-инструмента с социально-политическим устройством греческого мира. В городе-государстве изучение подобного инструмента было действительно важным аспектом образования культурных слоев населения с целью их активного вовлечения в политическую жизнь.

Несомненно, что именно платонизм выдвигает настойчивое требование мыслить изолированными ментальными сущностями, используя абстрактный язык описания. Хотя Платон нигде не дает систематического перечня таких сущностей, можно предположить, что одной из них – наряду с «прекрасным», «справедливым», «добрым» – и является «язык». Совместно с моралью и политикой он превращается в тематическую область, способную ускорить развитие абстрактно-теоретического мыслительного процесса. Подобная трансформация становится началом совершенно нового этапа в развитии не только греческого, но и европейского разума.

Выдающийся исследователь греческой интеллектуальной истории Эрик Хэвлок считает такой переход равносильным переходу от образного мира эпоса к абстрактному миру научного описания, от лексики и синтаксиса повествования о временных событиях – к синтаксису и лексике, описывающим вечные законы и принципы. Хэвлок доказывает, что переход к новым мыслительным привычкам требовал разрыва с греческой поэтической традицией [2. Р. 215–233]. В каком смысле эта традиция требовала пересмотра и спровоцировала резкую реакцию платонизма на поэтическое творчество?

Начнем с того, что всякая этноязыковая группа обладает общим мировоззрением, включающим в себя представление о ее истории, традициях и окружающей физической среде. Однако любая совокупность таких знаний может быть утрачена, если не станет содержанием какой-либо образовательной дисциплины, обеспечивающей ее сохранность. Возникает необходимость снабдить живую память человека мнемонической техникой, способной прочно запечатлеть информацию в его сознании. В качестве такого приема и выступал поэтический нарратив, позволявший запоминать наиболее важный групповой опыт в виде последовательности ярких событий и действий героев, а также их мыслей и переживаний. С этой точки зрения повествование, чья ритмическая и сюжетная организация в устной культуре служила наиболее эффективным средством запоминания, должно было выступать основным способом передачи содержания родовой энциклопедии. Необходимым механизмом заучивания была психологическая идентификация слушателя с действиями и событиями поэтического текста, чей событийный ряд требовал особого типа синтаксиса, осуществляемого в глагольных формах прошедшего, настоящего и будущего времени. Именно такой гераклитовский синтаксис и следует называть синтаксисом «становления».

В VIII в. до н.э. в греческом обществе появляется новая технология коммуникации, предлагающая совершенно иной способ сохранения традиции. Эта радикальная революция связана с развитием и продвижением письменности. Греческий устный язык превращался в письменный, скорее всего, дважды. Первый раз это произошло во второй половине II тысячелетия до н.э., когда использовалось слоговое письмо (так называемое линейное письмо Б), а второй – несколько столетий спустя, когда греки приняли письмо, адаптированное к греческому языку и основанное на финикийском алфавите.

Следует отметить, что раннее греческое общество было в основном неграмотным. Право, литература, институты архаики и высокой классики, в отличие от более поздних периодов, преимущественно опирались на устное слово. Знаменитая древняя пайдея как основа аристократического образования вообще не включала обучение чтению и письму. В доклассический период языковые навыки были связаны с двумя видами деятельности – праздничной и клерикальной, но для этого требовалось обучить достаточно небольшой круг специалистов. В течение сотен лет после появления письменности в эллинском мире она не играла важной роли в жизни греков. Поэзия Гомера отражала устную цивилизацию, и только после Платона можно заметить серьезные признаки перехода от устной культуры к письменной. Но даже тогда важные дела общественной жизни в собрании и судах оставались в руках тех, кто владел искусством устного слова. Изначально письменность служила простой технологией для ведения записей и полезным дополнением

к речи. Этот статус все еще отражен в термине *techné*, содержащемся в названии первого грамматического трактата Дионисия Фракийского.

Дело в том, что само по себе наличие письменности отнюдь не приводит к пробуждению языковой рефлексии. Древние египтяне умели писать еще до 3000 г. до н.э., но в течение первых 2500 лет своей цивилизации ничего не написали о структуре языка. Они начали размышлять по этому поводу, только вступив в контакт с греками. Это же применимо и к иудейской культуре. Евреи умели писать с самого начала первого тысячелетия до н.э., и их культура была весьма грамотной. Еврейские ученые успешно решали практические проблемы лингвистического характера, но до X в. н.э. (до контакта с арабами и их процветающей традицией философского и грамматического мышления) почти не оставили трудов, которые можно было бы отнести к лингвистике или философии языка.

В этом отношении возникает вопрос: почему появление языковой рефлексии было связано не с ивритом, вавилонским или египетским, а именно с греческим языком? По-видимому, греческое письмо было более эффективно по сравнению с другими системами письма. Греческие символы довольно точно и экономично соответствовали фонетическому материалу. Устную коммуникацию всегда характеризовала беглость, а для полного перехода к системе графического распознавания требовалась сопоставимая визуальная беглость. Большинство систем было неспособно ее обеспечить, а поэтому проигрывало конкуренцию устной речи, которая продолжала процветать, будучи привычной для большинства людей.

Акустическая традиция основана на запоминании текста, а значит – тренировке памяти. По мере ослабления ее функции психическая энергия высвобождалась для других целей. Снижение требований к запоминанию привело к устранению обязательства нарративизации высказывания. Если ранее автор всегда выбирал в качестве субъектов дискурса конкретные личности и происходящие с ними события, то теперь он вовлекает в свой текст абстрактные сущности. Впервые появляется возможность изолировать темы (язык, мышление, право, государство, навигация, медицина и т.д.) от потока повествования, представляя их в отвлеченном виде. Иначе говоря, алфавитная революция привела к тому, что сама тема становится предметом дискурса.

Наличие эффективной алфавитной речи предполагает и более высокую степень свободы, необходимую для развития философии. Устное повествование как в содержании, так и в стиле отдавало предпочтение традиционному и привычному. Необходимость в запоминании требовала осторожного, экономичного и медленного пополнения ограниченной в своем объеме памяти чем-либо уже известным и знакомым. Алфавитная речь, учитывая беглость восприятия, допускала наличие значительного количества новой информации, которую читатель мог обдумать, отложить и вернуться к ней повторно, имея возможность ответить собственным комментарием. При этом все написанное для реципиента выглядело как «объект».

В условиях устной культуры свою идентичность субъект ясно осознавал внутри поэтической традиции, а жизненный опыт воспринимал на фоне множества ритмических нарративных линий, которые запоминал, воспроизводил затем в своей памяти. Выделение «Я» стало возможным только в результате приостановки постоянной идентификации с бесконечной серией сюжетных

ситуаций, связанных с любовью, ненавистью, страхом, радостью персонажей эпоса. Нужно было осознать, что «Я» больше не имитирует состояния и настроения чужого опыта. Доктрина автономной души связана с освобождением от императивов устной культуры. Психологический механизм, использующий запоминание посредством ассоциативного процесса, должен быть заменен рассуждением. Дельфийский и сократовский афоризм, связанный с требованием «познать самого себя», становится актуальным именно благодаря алфавитной революции. В ее результате весь язык можно рассматривать как письменный, а прочитанный текст – как эквивалент произнесенного слова. Поскольку ученые и философы имели дело почти исключительно с текстами, то возникает предположение об идентичности письменности и языка. Другими словами, письменность – не просто визуальный артефакт, призванный вызывать в памяти ряд языковых форм путем симбиотической ассоциации, а сам язык как единый текстуализированный объект.

Таким образом, философия языка возникает в тот момент, когда появляется возможность записать язык, а следовательно, мыслить о нем как об объекте. Идеально воспроизведенный в алфавите, язык предстает не в качестве разрозненных образов, а весь целиком. Он уже – не просто функция говорящего «Я», а документ, имеющий независимое существование и способный привлекать к себе особое внимание. В связи с этим и появились первые рассуждения софистов и Платона по поводу поведения этой письменной вещи: ее «частях речи» и «грамматике». Самое сложное греческое понятие «логоса» стало в большей степени символизировать письменный текст, нежели устный. Постепенно осознавалось отличие поэтической речи от прозаической, представленной историей и философией. Соответственно, ощущение устного языка как струящегося потока сменилось видением стабильного буквенного ряда, а каждое слово на письме, извлеченное из содержащего его высказывания, получило статус отдельной «вещи». По-видимому, первым обозначением для «слова» у греков было *опота* – «имя», поскольку они понимали, что в устной речи субъектами высказываний всегда были люди с «именами», а не вещи или идеи. В силу этой традиции первая значимая лингвистическая рефлексия в «Кратиле» касалась именования и природы имен.

На ранних этапах среди греческих философов именно Платон проник в самое сердце глубоких изменений в культурном опыте человека. Прежде всего, его не устраивала прежняя греческая система образования, основанная на устном слове. Для него цель образования состояла в воспитании автономной личности с независимым мышлением, а не вовлеченной в бесконечную серию психологических идентификаций с эпическими событиями. Модель образования, требующая «поступать подобно кому-то еще», – поэтическая, подразумевающая мимесис и субъективную многоликость. Платон полагал, что греческое образование должно строиться на принципиально иных основаниях, и стремился, насколько это возможно, отделить индивидуальное самосознание от традиции.

Для Платона, противопоставляющего истинное и доксатическое знание, поэтическое творчество как центральная часть образовательной системы представляет собой доксатический опыт переживания реальности. Чувственное восприятие свидетельствует о плюралистичной и непоследовательной версии интерпретации мира, поскольку поэзия сознательно допускает противоречие в качестве своего основного принципа. Герой эпоса ведет себя вре-

менами хорошо, а временами плохо, не предлагая единого абстрактного образа хорошего поступка. В поэзии антитетические предикаты приложимы к одному и тому же человеку, порождая соответствующее психологическое противоречие в сознании слушателя. И любой событийный нарратив невозможен без такой противоречивости, поскольку различие в событиях возникает только тогда, когда ситуации персонажей истории претерпевают резкие сюжетные повороты. К примеру, Агамемнон в одной ситуации – благороден, а в другой – подл, или греки в какой-то момент – вдвое сильнее троянцев, а в другой – вдвое слабее. Иными словами, субъекты таких предикатов одновременно «есть» и «не есть». Это говорит о невозможности в поэтическом дискурсе сделать утверждение, соединяющее субъект и предикат в отношении, которое просто «есть», т.е. является постоянным и неизменным.

Платон противопоставляет доксатическому – философский опыт, поднимающий вопрос в форме: «что есть вещь (добро, красота, справедливость и т.д.) сама по себе?», – поскольку философское знание – это знание объекта самого по себе. Субъект должен уметь оценивать и анализировать предмет, а не идентифицироваться с ним. Взамен поэтического синтаксиса «становления» в свои права вступает аналитический синтаксис «бытия», независимый от времени. Сумма углов треугольника «есть» 180 градусов. Она не становится таковой с течением времени, и не было в прошлом периода, когда эта сумма была иной. Все абстрактные сущности связаны друг с другом логическими, а не повествовательными отношениями.

Людям не удается сделать утверждение, связывающее субъект и предикат в постоянных и неизменных отношениях, а потому они находятся в плену мнений. Одна и та же физическая вещь явлена то в одном измерении, то в другом. А для того, чтобы отразить истинное положение дел, мышление должно сосредоточиться на том, что «есть». Можно сказать, что бытие – это синтаксическая ситуация, исключая времена глагола «быть», поскольку принципы, свойства, категории и темы – просто «есть». Важнейшей процедурой абстрагирования является использование данного глагола в качестве связки, избавленной от пространственно-временного контекста. В «Софисте» Платон высказал самую важную теорему, касающуюся сущности языка: «Но из одних имен, последовательно произнесенных, никогда не образуется речь (logos), так же и из глаголов, произнесенных без имен» [3. С. 389]. Выделение частей речи имело решающее значение, потому что заставляет признать категориальный характер языка. Это открытие для научной истории человечества имеет такое же значение, как теорема Пифагора – для геометрии.

По мнению немецкого исследователя Лео Вайсгербера, для обозначения языка греки, как правило, использовали слово «логос», первоначально обозначающее акт собирания чего-либо вместе. Термин «логос» восходит к индоевропейскому корню *leg*, производные от которого встречаются в латинских *legere* «читать», *lex* «закон», немецком *lesen* «читать», а также в английских словах *selection*, *collection* и *analects*. Вайсгербер обнаруживает в слове *logos* объединение «языка, мысли, вещи, сущности, этики и бытия» [4. S. 42]. Исследуя семантику «логоса», немецкий ученый приходит к следующему заключению: уже в самом этом слове заключено единство абстрактного, сверхиндивидуального и абсолютного, что характеризует всю греческую концепцию языка.

Формирование нового синтаксиса бытия является ответом на все тот же эпистемологический вопрос: «Что может знать познающий?» Вариант Платона: «Он может знать только то, что есть». В связи с этим и объектом науки является то, что «есть», т.е. наличие единого во многом. Платоновский язык знаменует разрыв с вековыми ментальными привычками греческой мысли, приобретенными в результате долгой поэтической практики в условиях устной культуры. Он провозглашает необходимость усвоения новой ментальной привычки – абстрагирующей концептуальной мысли, при которой разум должен научиться входить в новое синтаксическое состояние. Всякий раз, когда речь заходит об эпистемологии собственной системы Платона, он вынужден определять ее в противопоставлении с поэтической психологией и языком.

Наряду с эпистемологическими и технолингвистическими причинами появления языковой автономии следует отметить и нормативный аспект этого вопроса. Как отмечает Виктор Ингве, «...среди греков именно стоики несут ответственность за развитие философских оснований лингвистического мышления» [5. Р. 30]. Философская доктрина стоиков подразделялась на физику, этику и логику, которая, указывая путь к истине, была ее самой важной частью. Вся структура стоической диалектики служила исключительно логике и риторике в их крайне идеализированных и надличностных формах. Философы не задавались вопросом о субъекте речи, а человек появлялся в их рассуждениях в физическом, а не логическом разделе философии. Место человеческого существа определяется в контексте вопросов космологии, биологии, медицины, а также психологии речевой деятельности. Стоики «отделили теорию языка от людей, и получилось, что изначально носитель языка был лишен собственной лингвистической теории» [5. Р. 29]. Философия стоиков сделала важный шаг в сторону формирования языка как единого объекта, отделив логическое и грамматическое от физического и психологического.

Лингвистическая архитектоника поздних греческих философов оказалась весьма актуальной в связи с политическим казусом. В результате завоеваний Александра Македонского возник эллинистический мир, огромная империя, которой требовался единый язык. Необходимо было сформировать определенный стандарт правильности для административного класса, ставшего важным винтиком в колесе имперского управления. Согласно Ингве, «...греки испытывали потребность в стандартном языке для вновь завоеванной империи, который бы занял место многочисленных диалектов... Нормативная грамматика была разработана ради удовлетворения этой потребности» [5. Р. 32]. Диалектика стоиков во многом стала философской основой нормативной грамматики, которую можно обнаружить и у Дионисия Фракийского, и в ранних латинских грамматиках Доната и Присциана. Возможно, прескриптивистский взгляд также появился с развитием письменности, поскольку то, что можно записать, легко объективировать, а с помощью алфавитного письма можно наблюдать исторические изменения, которые усиливали идею о их едином субстрате. Предписанная норма воспринимается говорящими и пишущими как нечто внешнее по отношению к ним, создающее представление о языке как реальности, обладающей независимым существованием.

Историческая ситуация стала причиной новой потребности в обучении греческому языку иностранцев (затем эта проблема встанет перед арабами,

которые, воздвигнув империю, будут активно создавать грамматики). Значит ли это, что лингвистическую рефлексию породила практическая потребность? В данном случае мы можем ответить утвердительно. Однако же стремление к абстрагированию и обобщению, построению систематического описания языка не обязательно связано с практической необходимостью. И в далеком прошлом, и сегодня миллионы людей научились свободно и грамматически правильно говорить на втором языке, ни разу не открыв учебника грамматики.

К этому стоит добавить, что платоники весьма скептически оценивали перспективы изучения иностранного языка. Согласно Платону, в своей истинной и абстрактной форме знание невозможно получить впервые, а допустимо лишь вспомнить. Это связано с убеждением, что истина неизменна, а знание априорно находится в человеческой душе. Именно в этой парадигме Секст Эмпирик выдвинул свою идею о невозможности изучения языка в «Очертаниях пирронизма» (кн. 3) и «Против арифметиков» (кн. 1 и 11). Языковое означивание происходит либо по природе, либо по соглашению. Если языковые знаки являются естественными, то греки и иностранцы могли бы спокойно общаться, но этого не происходит. Однако изучение языка не может полагаться и на произвольные знаки. Тем, кто понимает конвенции соответствия слов и вещей, уже следует знать эти правила. Речь таких людей – это простое воспоминание лингвистических знаний. Однако не владеющие языком и желающие его изучить не имеют представления об этих правилах. Демонстрация не в силах им помочь, потому что многочисленные конвенции невидимы и не поддаются остенсивным определениям. Таким образом, обучение языку невозможно, потому что правила должны быть известны заранее. Дэвид Глидден в эссе «Попугаи, пирронисты и носители языка» характеризует это следующим образом: «Каждый носитель языка должен каким-то образом понимать правила, которые служат для упорядочивания его собственного племенного диалекта» [6. Р. 144]. Мы видим, что греческий философ настаивает на интроспективном способе постижения языковых правил. Выучить язык невозможно, потому что правила интуитивны. Отчасти это очень похоже на представление Хомского об авторитете носителя первого языка, определяющего всю генеративистскую теорию. Однако здесь важно подчеркнуть принципиальное отличие: рассмотрение языка носит исключительно философский характер, являясь ответом на стоицизм и эпикурейство. Укрепившись в платоновской философии, Секст Эмпирик совершенно не интересуется прикладными аспектами поставленных проблем. Он просто неявно ссылается на знаменитый платоновский парадокс Менона. Фактически Платон первым пришел к скептическому заключению о невозможности языкового обучения, предлагая свою знаменитую теорию воспоминания.

Необходимо подчеркнуть, что философская языковая рефлексия неразрывно связана с ее историей, начало которой было положено греческими мыслителями. Одна из влиятельных современных концепций языка как абстрактного объекта развивалась Джеральдом Кацем, полагавшим, что «с платоновской точки зрения, лингвистическая теория – это не более чем теория общей структуры предложений во всех естественных языках» [7. Р. 23]. Платоновская позиция в лингвистике становится основой решения более общей философской проблемы существования абстрактных объектов, а также крити-

ки номиналистических и концептуалистских языковых теорий. Являясь главным защитником платоновского каркаса рассуждений, Кац утверждает, что «задача лингвиста, как и математика, состоит в построении теории, раскрывающей структуру множества абстрактных объектов, а не теории эмпирической реализации знания об этих объектах» [8. Р. 22], на основании того, что «платоники относят лингвистику к математическим, а не к социальным, биологическим или физическим наукам, поскольку речь идет о реальности, потусторонней человеку и физическому миру» [8. Р. 23]. Конечно же, положения Каца о человеческом языке как о математической сущности отнюдь не бесспорно. Трудно представить обоснованность такого утверждения, поскольку языки существенно отличаются от математических сущностей своей подверженностью диахронической, географической и социальной вариативности. Однако если заменить в качестве абстрактных объектов «вечные» платоновские сущности историческими и социальными нормами языка, то общая схема рассуждений Платона вновь будет реабилитирована. И даже несмотря на то, что греческая философия языка, озабоченная проблемами истины, оставляет в стороне очень многие языковые вопросы, интересующие современное языкознание, ее вклад в формирование европейской лингвофилософии остается решающим.

Список источников

1. Casper C. de Jonge, Johannes M. van Ophuijsen. Greek Philosophers on Language. A companion to the ancient Greek language. Blackwell, 2010.
2. Havelock E. Preface to Plato. Cambridge : Belknap Press, Harvard University Press, 1963.
3. Платон. Сочинения : в 3 т. М. : Мысль, 1970. Т. 3.
4. Weisgerber L. Die Entdeckung der Muttersprache im europäischen Denken. Lüneburg : Heliand, 1948.
5. Yngve V.H. The struggle for a theory of native speaker. A Festschrift for Native Speaker, The Hague : Mouton. 1981.
6. Glidden D.K. Parrots, pyrrhonists, and native speakers. Language. Cambridge : Cambridge University Press. 1994.
7. Katz J. The philosophy of linguistics. New York : Oxford University Press, 1985.
8. Katz J. Language and other abstract objects. Oxford : Basil Blackwell, 1980.

References

1. de Jonge, C.C. & van Ophuijsen, J.M. (2010) *Greek Philosophers on Language. A companion to the ancient Greek language*. Blackwell.
2. Havelock, E. (1963) *Preface to Plato*. Cambridge: Belknap Press, Harvard University Press.
3. Plato. (1970) *Sochinenie v 3 t.* [Works in 3 vols]. Vol. 3. Moscow: Mysl'.
4. Weisgerber, L. (1948) *Die Entdeckung der Muttersprache im europäischen Denken*. Lüneburg: Heliand.
5. Yngve, V.H. (1981) *The struggle for a theory of native speaker. A Festschrift for Native Speaker*. The Hague: Mouton.
6. Glidden, D.K. (1994) *Parrots, pyrrhonists, and native speakers. Language*. Cambridge: Cambridge University Press.
7. Katz, J. (1985) *The Philosophy of Linguistics*. New York: Oxford University Press.
8. Katz, J. (1980) *Language and Other Abstract Objects*. Oxford: Basil Blackwell.

Сведения об авторе:

Найман Е.А. – доктор философских наук, профессор кафедры истории философии и логики Национального исследовательского Томского государственного университета; веду-

щий научный сотрудник Томского научного центра СО РАН (Томск, Россия). E-mail: enyman17@rambler.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Наyman Е.А. – DSc in Philosophy, Professor, Department of History of Philosophy and Logic National Research State University; Leading Research Fellow, Tomsk Scientific Center SB RAS (Tomsk, Russian Federation). E-mail: enyman17@rambler.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 11.06.2023;
одобрена после рецензирования 10.07.2023; принята к публикации 18.08.2023
The article was submitted 11.06.2023;
approved after reviewing 10.07.2023; accepted for publication 18.08.2023*